

Глава 18.3

Его сын - просто добрый мальчик, которого обижали слишком много раз, чтобы сосчитать, и он стал бояться обижаться, потому что каждый раз, когда его обижали, это становилось слишком больно, слишком тяжело для него. Он весь в шрамах. Как и бесчисленные порезы на руках, которые он получил, когда рисковал жизнью, чтобы спасти Ханаби много лет назад, их невозможно стереть. Боль Хаку никогда не была стерта, ее просто забыли и похоронили. Но она осталась, тупая боль, которая постоянно мучает его. Ему всегда было больно, просто он научился справляться с этой болью, скрывая ее. Он скрывал ее слишком хорошо, чтобы никто этого не заметил.

Как его крестный отец мог этого не понимать?

Какой же он отец. Какой из него Хокаге?

Он с яростью бросил Расенсюрикен, и это не принесло ему никакого удовлетворения, когда он уничтожил огромный участок личной тренировочной площадки Хокаге. Это заставило его почувствовать себя еще более пустым, чем он есть.

Какой из него Хокаге...

[— Упражнение по разрезанию листьев?

— Да, я довел его до совершенства. Удивлен?

— Ну-ка, ну-ка, мой дорогой Хаку. Я - легендарная Желтая Молния. Я знаю свое дело. Чтобы овладеть Высвобождением Ветра, нужны десятилетия. Тебе нужно больше стараться, если ты хочешь...

Вжух]

Он вспомнил, как его сын разделил лист на две аккуратные части. Он вспомнил, что его собственные глаза чуть не выскочили от недоверия, когда он впервые увидел это.

[— Тебе нужно больше стараться, если ты хочешь жить в отрицании, шишо. Сейчас у меня больше опыта, чем у тебя, в использовании Высвобождения ветра. Признай это. Великий Желтая Молния только что был побежден Генином за несколько месяцев его карьеры шиноби.

— ...ты выиграл этот раунд.]

Он до сих пор помнит самодовольное выражение лица Хаку, которое тот носил целый день только потому, что ему удалось превзойти легендарную Желтую Молнию.

Но даже тогда Минато был искренне счастлив. Ребенок, которого он считал своим сыном, выздоравливал. Его сын решил довериться ему, прислушаться к его совету, что доверие — это улица с двусторонним движением, и попытался еще раз открыть свое сердце, чтобы снова обрести способность доверять.

Он снова начал находить цель, ради которой стоит жить. Он нашел ее. Он хотел изо всех сил стараться защитить всех, кто ему дорог, поэтому он упорно работал над собой, чтобы стать как можно сильнее, чтобы защитить своих дорогих людей и свою мечту. Он хотел, чтобы все гордились им во время экзаменов на Чуунина, особенно его родители. За него, Кушину и Хиаши.

И это действительно достойная мечта. Все гордились им, когда он победил Гаару, не получив ни единой царапины на своем теле. Его выступление было впечатляющим.

Но Хаку, открыв свое сердце для доверия, сделал его гораздо более восприимчивым к боли. Минато не знал, как он упустил другую сторону того, что проповедовал: поскольку доверие — это улица с двусторонним движением, как только доверие было нарушено, боль, которую Хаку почувствовал, усилилась, когда он получил ее, потому что не было защиты, чтобы защитить его и без того хрупкое сердце. И эта боль причинила Хаку сильную боль, настолько сильную, что он совсем оставил попытки.

Он сформировал еще один Расенсюрикен в своей руке, позволяя ему продолжать визжать и расти.

Именно благодаря тому, что Хаку обнаружил, что дзюцу и чакру можно использовать и в области сознания, а не использовать время, проведенное там, для простого мозгового штурма идей, ему удалось завершить Расенсюрикен.

Именно благодаря этому он легко одержал верх в недавней битве с Эй, что позволило ему вернуться живым и невредимым. Вернуться победителем. Именно так ему удалось отрубить Эй одну левую руку и изгнать Райкаге из Конохи.

Люди пели дифирамбы его достижениям, но никто из них не знал, что именно благодаря его сыну ему это удалось.

— Как он? — спросил он жену, не совсем уверенный в том, что хочет услышать правду.

— Физически? Прекрасно. Цунаде взглянула на него, насколько это было возможно, учитывая ситуацию. Ментально? Я начинаю думать, что он больше не может оставаться шиноби. Даже Иноичи со мной согласен. Не после того, как он регрессировал. Он не реагирует ни на что и ни на кого и постоянно испускает холод, такой холодный, что он заставил нас всех уйти. Все вокруг него либо покрыто снегом, либо льдом. Никто не мог к нему подойти, как бы мы ни старались. Мы думаем, что он каким-то образом ввел себя в полуспящее состояние с помощью своего "Ледяного освобождения", чтобы уйти от реальности. Иноичи предполагает, что он просто хочет оцепенеть от холода и проспять все до самой смерти. Он просто не реагирует ни

на какие внешние раздражители. Такими темпами он умрет медленной смертью либо от голода, либо от обезвоживания, Минато. Я не думаю, что он вообще что-то ел или пил с момента вторжения.

Значит, Хаку пытается найти другой способ умереть помимо самоубийства? Пытается обойти правила, установленные этой печатью? Чтобы проверить пределы того, что печать считала самоубийством?

Почему он должен быть таким умным? Эта печать определенно не считала голод и обезвоживание самоубийством.

— Он не подходит для жизни шиноби. Я должен был это понять. Я должен был остановить Кизаши, когда Хаку только прибыл сюда, но я пошел на поводу у его решения. Кизаши сделал меня своим советником, чтобы я мог остановить его, если он переступит черту. Я не справился. Я подвел и его, и Хаку. Сандайме-сама был прав, выбрав Кизаши в качестве Хокаге, а не меня. Я не гожусь на роль Хокаге.

— Минато. — Кушина сказала с равным количеством беспокойства и суровости, держа его за руку. — Ты не можешь позволить себе сомневаться в себе сейчас. Кизаши оставил деревню на твое попечение. Теперь все смотрят на тебя сверху. Ты не можешь сомневаться в себе, особенно сейчас.

— КАК Я МОГУ НЕ СОМНЕВАТЬСЯ В СЕБЕ?! — прорычал Минато, бросив еще два Расенсюрикена, и земля треснула под его ногами, реагируя на силу, которой он обладает над природой благодаря режиму мудреца. Другой конец тренировочного поля снова взорвался, когда его Расенсюрикены взорвались.

— Он собирался совершить самоубийство, Кушина! На глазах у меня и Хиаши! Потому что он искренне считал, что у него нет выхода, он не хотел, чтобы я лично отдавал приказ о его смертной казни. Он не хотел ставить меня перед трудным выбором! Потому что я теперь Хокаге! Я должен был с ним быть откровенным с самого начала! Я знал, что он прямолинейная личность. Как я могу не сомневаться в себе, когда я принял неправильное решение, которое чуть не погубило моего сына!?

Он задыхался, пытаясь перевести дух, медленно отключая режим мудреца, чтобы он не поглотил его от ярости.

— Как я могу не сомневаться в себе после этого? Когда я даже не в состоянии доказать, что могу принять правильное решение, когда дело касается моего сына? Как я могу руководить целой деревней? Деревней, которую мой лучший друг оставил меня защищать вместо себя, когда его больше нет?

— Никто не знает, правильно ли они поступили сейчас, это то, что мы сможем узнать только позже. — сказала Кушина, обнимая мужа сзади, пытаясь облегчить боль, которую он чувствует. — Он в безопасности. С ним все в порядке. Наш сын в порядке.

— Он не в порядке.

<http://tl.rulate.ru/book/62135/1747341>